

№ 1731

Извѣстія

Оренбургскаго Отдѣла

Императорскаго Русскаго

Географическаго Общества.

ВЫПУСКЪ № 16.

Оренбургъ.

Типо-литографія Тургайскаго Областнаго Правленія.

1901 г.

САЛЫ У КИРГИЗЪ.

Давно это было, но было. Когда киргизскій народъ свободно кочевалъ среди обширныхъ степей Средней Азіи подъ управленіемъ своихъ хановъ и султановъ, тогда онъ жилъ исключительно согласно съ обычаями, завѣщанными предками: мирно пасъ свои стада барановъ, табуны лошадей, и лишь по временамъ отдѣльными шайками дѣлалъ хищные, быстрые, набѣги на сосѣдніе народы...

Это было давно... тогда въ нашихъ степяхъ

Было много земли, и на чудныхъ коняхъ,

Гдѣ хотѣлось душѣ, кочевали отцы,

Какъ въ пространствѣ воздушномъ летаютъ орлы.

Тогда вольно жилось... Грудью полной дышалъ

Тогда каждый киргизъ, и никто не мѣшалъ

Кочевать здѣсь и тамъ.

И какъ нѣжная мать, степь любила людей,

Своихъ вольныхъ дѣтей, и кормила коней—

Неразлучныхъ друзей всѣхъ киргизъ-казаковъ—

Ароматной травой и поила росой.

Такъ говорится въ одной киргизской пѣснѣ.

И вотъ, въ это то далекое время существовалъ среди киргизъ особый типъ молодыхъ людей, извѣстныхъ подъ названіемъ *саловъ*.

О салахъ въ русской литературѣ, насколько мнѣ извѣстно, совершенно нѣтъ свѣдѣній, почему, надѣюсь, будетъ не лишнимъ мое сообщеніе объ отжившемъ типѣ киргиза-ловеласа или сала.

Изъ разспросовъ стариковъ мнѣ удалось собрать нѣкоторыя свѣдѣнія и составить болѣе или менѣе вѣрный образъ сала. Вотъ онъ. Салами прежде всего могли быть только молодые и богатые киргизы. Если кто-нибудь хотѣлъ сдѣлаться саломъ, то онъ долженъ былъ одѣваться по возможности богаче и оригинальнѣе. Такъ, напримѣръ, одинъ салъ шилъ изъ шкуръ овецъ такіе широкіе шаровары, что взрослый человѣкъ свободно могъ помѣщаться въ каждой штанинѣ. У другаго воротникъ рубашки былъ шириною въ $\frac{1}{4}$ аршина. Салъ по большей части одѣвался въ бархатъ, въ шелкъ и рѣдко въ простой халатъ, на руки надѣвалъ кольца и браслеты изъ серебра и золота. Въ ушахъ саловъ часто виднѣлись серебряныя серьги величиною съ добрый кулакъ. Словомъ, онъ одѣвался возможно фантастичнѣе. Салъ съ должнымъ стараніемъ заботился и объ убранствѣ своей лошади: на ноги надѣвалъ браслеты, къ ушамъ привѣшивалъ серьги, хвостъ и гриву унизывалъ бусами и украшалъ филиновыми перьями, которыя будто бы служатъ предохраненіемъ отъ дурного глаза. Салъ въ описанномъ нарядѣ садился на разукрашеннаго пегаса и отправлялся въ какой-нибудь аулъ, который славился красотой дѣвиць. Онъ вѣзжалъ въ самую средину аула и, остановивъ здѣсь своего коня, медленно стягивалъ и крѣпко закручивалъ поводья у луки, на руку наматывалъ длинный чумбуръ, и тутъ же рядомъ съ лошадыю растягивался на голой землѣ. Съ этого времени онъ старался не подавать признаковъ жизни: лежалъ на спинѣ, съ распростертыми руками и съ закрытыми глазами. Такимъ образомъ, не перемѣняя разъ принятаго положенія, салъ лежалъ сутки, а иногда и болѣе; лежалъ до тѣхъ поръ, пока не собирались въ аулѣ дѣвушки, не поднимали его на рукахъ и не относили въ кибитку. Здѣсь салъ открывалъ глаза и приходилъ въ

себя, благодаря обычному гостепримству хозяина кибитки и особенной заботливости ухаживавших за нимъ дѣвушекъ, хотя часто послѣднія сильно подсмѣивались надъ нимъ, такъ какъ голодный салъ въ своемъ шутковскомъ нарядѣ имѣлъ очень жалкій видъ. Въ этой кибиткѣ салъ проводилъ ночь въ обществѣ одной или нѣсколькихъ дѣвушекъ, пѣлъ пѣсни собственнаго сочиненія, игралъ на домбрѣ, одаривалъ подарками дѣвицъ и т. д. Но вотъ начинается свѣтать... Защелкалъ торгай, степной жаворонокъ, и утренній ветерокъ чуть-чуть заколыхалъ степную траву, тогда дѣвушки снимали съ сала всю его одежду съ кольцами, серьгами, браслетами и другими украшениями, и все это дѣлили между собою. Лошадь сала съ сѣдломъ и со всѣми украшениями оставалась въ пользу хозяина кибитки, и салъ отправлялся изъ аула пѣшкомъ въ одной лишь рубашкѣ. Онъ приходилъ къ себѣ домой, снова наряжался точно такимъ образомъ и снова отправлялся въ какой-нибудь другой аулъ. И здѣсь такимъ же порядкомъ снимали съ него все и отпускали пѣшкомъ и въ томъ же нарядѣ. Опять салъ одѣвался и опять приходилъ домой въ одной рубашкѣ... Такъ салъ продолжалъ свои приключенія, пока не проматывалъ своего состоянія или не приходилъ въ себя подъ вліяніемъ какого-нибудь благоразумнаго родственника. Радикальнымъ средствомъ для вразумленія, какъ говорятъ, была женитьба. Салы послѣ пріѣзда въ аулъ проводили ночь или въ обществѣ одной дѣвушки, или нѣсколькихъ: это было безразлично. Одни изъ киргизъ-стариковъ говорятъ, что салъ заранѣе намѣчалъ какую-нибудь дѣвушку и пріѣзжалъ именно въ ея аулъ. Дѣвица, предоставляя свою любовь салу, оставляла за это у себя его одежду и украшения, когда онъ уходилъ изъ аула при первыхъ признакахъ утра. По словамъ другихъ, салъ

влюблялся заочно въ степныхъ красавицъ и готовъ былъ за очаровательную лукавую улыбку милой отдать все свое состояніе. По свидѣтельству киргизъ, салъ могъ капризничать, т. е. валяться въ центрѣ аула, только тамъ, гдѣ онъ рассчитывалъ на вѣрный успѣхъ, въ аулахъ же вліятельныхъ султановъ и богатыхъ киргизъ салъ велъ себя вполне прилично, такъ какъ иначе ему могло бы не поздоровиться. Киргизы рассказываютъ, что въ Акмолинской области салы существовали еще недавно, а въ Тургайской ихъ нѣтъ уже лѣтъ 80. Въ послѣдней области сохранились лишь темныя преданія о нихъ и пѣсни саловъ, которые большею частью эротическаго характера. Въ настоящее время салами киргизы называютъ вообще франта, жуира и степного прожигателя жизни, и при этомъ слово салъ имѣетъ оттѣнокъ легкой, добродушной насмѣшки.

А. Добросмысловъ.

